

КАМПАНИЯ 1502 г. – ПОСЛЕДНИЙ АКТ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ¹

Стратегические успехи России в кампаниях 1500 г. (победа на Ведроше, овладение Чернигово-Северской землей) не привели к концу войны с Литвой. Борьба вступила в новую фазу. Союз Литвы с Ливонским Орденом и наследниками хана Ахмата, союз России с крымским ханом Менгли-Гиреем превратили русско-литовский конфликт в коалиционную войну с участием почти всех государств Восточной Европы. Театр войны растянулся от Финского залива до Азовского моря.

В условиях коалиционной войны задачи русского верховного главнокомандования (далее — ВГК) в лице великого князя и его военных советников значительно усложнились — теперь приходилось действовать против разных противников на далеко отстоящих друг от друга самостоятельных операционных направлениях. Главной задачей стало определение основного противника и создание содействующей группировки войск на главном и второстепенных направлениях.

В кампании 1501 г. русские войска впервые имели дело с тремя сильными противниками одновременно на северо-западном (Орден), западном (Литва) и юго-западном (Ахматовичи) направлениях. Задачей было не допустить совместных действий противников, не давать им возможности добиться реального оперативно-стратегического взаимодействия.

Решить эту задачу в общих чертах удалось успешно. Победа под Мстиславлем (ноябрь 1501 г.) сорвала планы соединения Ахматовичей с войсками короля Казимира, удалось также предотвратить совместное нападение Ордена и Литвы на Псковскую землю. Кампания закончилась глубоким рейдом русских войск на территорию Ливонии... Однако война продолжалась. Силы противников России далеко не были исчерпаны, и союз Ягеллонов (Польша, Литва, Венгрия и Чехии) против России приобретал все более реальные черты. В то же время союз России с Менгли на данном этапе оказался малоэффективным — силы Менгли были скованы активными действиями Ахматовичей.

Кампания 1502 г. началась в сложной внешнеполитической и стратегической обстановке. Добиться решительной победы в 1501 г. не удалось, и перед ВГК вновь стояли, в сущности, те же задачи.

Основным русским источником для изучения кампании 1502 г. являются летописи и разрядные записи. Важнейшими иностранными источниками служат Хроника Быховца², Герберштейна³ и материалы Ливонского Ордена⁴ (см. в исследовании Н. А. Казаковой⁵).

Ход кампании 1502 г. в основных чертах прослежен в трудах К. В. Базилевича⁶ и Н. А. Казаковой. Вкратце они рассмотрены в работе В. А. Волкова⁷. Отдельных эпизодов коснулся Е. А. Разин⁸.

Задача предлагаемой статьи — продолжить наблюдения моих предшественников и рассмотреть кампанию 1502 г. в общем контексте походов русских войск при Иване III.

Как и в 1501 г., России пришлось иметь дело с двумя основными противниками на двух самостоятельных направлениях.

Основные события начала 1502 г. развернулись на ливонском фронте. Разрядные записи о них молчат, а летописные известия весьма лапидарны. Представление о характере и масштабности этих событий дают ливонские источники.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 04-01-00392а).

² Хроника Быховца. М., 1966.

³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

⁴ Liv-est-and Kurländisches. Urkundenbuch. II отделение. Рига; М., 1905. Т. II (далее — LUB. II. 2).

⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 18–24.

⁶ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 488–502.

⁷ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 38–43.

⁸ Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957. Т. II. С. 324–325.

В письме от 1 февраля 1502 г. говорится о новом нападении русских на территорию Дерптского епископства. Русские разорили местность у Кирьямпе и в Вирландии⁹. При этом сотни присоединились к русским, выступая против немецких помещиков¹⁰.

С 25 января по 1 февраля в Вольмаре заседал ливонский ландтаг. Ландтаг свидетельствовал о тяжелом политическом кризисе в Ливонии — на нем не присутствовали представители большинства земель и городов. Политика магистра Вальтера фон Плеттенберга подверглась суровой критике. Представители земель, подвергшихся нападению русских, требовали от магистра эффективной защиты, угрожая в противном случае обратиться за помощью к великому магистру или датскому королю, даже намекая на возможность сепаратного мира с Россией¹¹.

Все это свидетельствует не только о слабости политических связей в феодально-раздробленной Ливонии, но и об эффективности наступательных действий русских войск в ходе войны, начатой магистром против России. Тем не менее, магистру удалось после долгих прений добиться решения о продолжении войны, и о вторжении в Россию у Нарвы и против Пскова¹².

В этих условиях важнейшее значение для магистра имело военное сотрудничество с Александром, теперь уже не только великим князем Литовским, но и польским королем.

Мартовские вторжения ливонцев, отмеченные в русских летописях, — реализация решений Вольмарского ландтага.

Вторжением из Нарвы руководил комтур Ревеля, который в письме Плеттенбергу от 12 марта описал состоявшийся поход. По его словам, около Ивангорода произошло сражение с русскими, которых насчитывалось 1600 человек. На поле боя осталось 200 убитых русских; орденские отряды преследовали русских почти до Ямгорода и прекратили дальнейшее преследование из-за усталости лошадей. Местность вокруг Ивангорода была немцами опустошена¹³.

По данным великокняжеской летописи, «Марта 9 приходиша Немцы на Ивангород. Тогда убиша Лобана Кольчева»¹⁴. О масштабах нападения немцев говорил, во-первых, его объект — русская крепость, которой придавалось особое значение; во-вторых, гибель русского воеводы, наместника Новгородского. Более поздние летописи — Воскресенская и Никоновская — приводят пространную версию рассказа об этом событии: «Немци пришли многи и около Ивангорода напали на русский отряд, нападавший в заставы, не с многими людьми», в бою был убит 21 русский воин¹⁵.

Более подробный рассказ поздних официальных летописей свидетельствует о том, что при составлении их были использованы источники, неизвестные летописцу — современнику событий, а также не вошедшие в сохранившиеся разрядные записи. Таким источником могло быть воеводское донесение. Нападение немцев на Ивангород заставило принять меры для укрепления обороны города. Устюжская летопись отмечает: «Того же лета [7011] князь великий послал рать устюжан, двинян стеречи Иванягорода от немец»¹⁶. Любопытно, что для усиления обороны приморской крепости были посланы земские люди, знакомые с плаванием по рекам и мореходством.

Судя по всему, бой под Ивангородом был, действительно, проигран русскими, потерявшими своего воеводу. Ход боя не известен, и причины поражения русских войск установить трудно. Можно предполагать, что потери наших войск комтур в своем донесении преувеличил (как это обычно делается),

⁹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 227.

¹⁰ Там же; LUB 2. BD II. № 230. S. 159.

¹¹ Там же. С. 227–228.

¹² Там же. С. 228; AR, BD III. № 19. § 36, 69, 79.

¹³ LUB 2. BD II. № 247. S. 169–170.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 28. С. 336.

¹⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 230; ПСРЛ. Т. VIII. С. 241; Т. XII. С. 255.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 37. С. 52.

а наш источник — преуменьшил. Можно также сказать, что существенного значения это нападение не имело — на ход дальнейших событий оно, по-видимому, влияния не оказало.

Вторжением из Розиттена на псковском направлении руководил ландмаршал Ливонии. В донесении Плеттенбергу от 22 марта он рассказывает о ходе событий.

Войско, вторгшееся в Псковскую землю, в течение 7 дней опустошало местности вокруг Вельц и Красного городка. 17 и 18 марта оно осаждало Красный городок и трижды штурмовало его, но взять не смогло¹⁷.

По данным Псковской летописи (Погодинский список), «Месяца марта въ 17 день пришедши Немцы х Красному городку и в Коровьи бороу волость взяша и голов посекоша много, а иных поведоше с собою; а в городке вельми притоужно было». Городок удалось отстоять. На помощь Красному городку подошла псковская сила, но немцы, не приняв боя, «побегоша прочь»¹⁸.

В целом обе ливонские акции нельзя признать удачными. Под Ивангородом они добились тактического успеха, под Красным городком, в сущности, никакого успеха не имели, если не считать разорения небольшого участка территории Псковской земли, несравнимого по размерам с областью, разоренной русскими войсками во время ноябрьско-декабрьского похода 1501 г.

Обращение Плеттенберга к полоцкому наместнику имело следствием нападение последнего на русское пограничье. Великокняжеская летопись сообщает: «Тоя же весны априля, приходил пан Петраш Епимаховичь со жолныри ис Полоцка на Пуповичи на волость, и дети боярские от князя великого многих жолныри избивша, а иных поимаша»¹⁹. Крупных результатов Петраш Епимахович со своими жолнырями, видимо, не добился, но само упоминание жолнырей — второй раз в русских источниках — заслуживает внимания. Речь, видимо, идет о наемных солдатах, своего рода ландскнехтах. В Хронике Быховца говорится, что «великий князь Александр послал в Польшу, и в Чехию, и в Германию, и нанял за деньги несколько тысяч [человек]... Тогда приехал к нему в Литву один из них по имени Ян Чирнин, и многие другие чехи, и немцы, и поляки»²⁰. В Хронике это событие отнесено к 1500 г., что, очевидно, является ошибкой, связанной с путаницей дат в Хронике. Важно указание на наличие у Александра Литовского наемных воинов, которые, очевидно, и названы в нашей летописи «жолнырями».

Набег жолнырей не мог привести к существенному изменению обстановки.

По немецким источникам, летом 1502 г. последовали новые набеги русских на ливонскую территорию. Это были мелкие пограничные нападения, сопровождавшиеся разорением местности и уводом скота²¹.

В русских источниках о каких-либо наступательных действиях против Ливонии сведений нет. В ливонском источнике (в письме Нарвы Ревелю от 16 июля) сообщалось о концентрации русских войск в Новгороде и у Луги, но из текста видно, что они были собраны для обороны.

В этом же письме содержится интересное известие о нападении русских на корабли, посланные из Ревеля в Нарву. По словам автора письма, нападение русских было отбито и корабли прибыли в Нарву. Однако бой шел несколько часов, что свидетельствует о масштабах нападения²².

Судя по всему, русская Ставка не намеревалась проводить крупных операций на северо-западном направлении. Более того — была предпринята мирная инициатива. По ливонскому источнику Иван III писал епископу Дерпта, что если магистр попросит мир, то он его получит²³.

¹⁷ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 231; LUB 2. BD II. № 260. S. 182–183.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 5/1. С. 87. Другие псковские летописи об этом событии не пишут.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 28. С. 335–336.

²⁰ Хроника Быховца. С. 114.

²¹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 231; LUB 2. BD II. № 317, 323, 332.

²² LUB — II. 2. № 332. S. 231–232.

²³ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 231; LUB 2. BD II. № 351.

Однако магистр решил продолжать войну, изменив свою тактику. Ввиду неэффективности разрозненных ударов на разных направлениях, он решил объединить свои силы и нанести ими сокрушительный удар²⁴.

Основным русским источником о походе Плеттенберга является рассказ Псковской I летописи.

«Придоша местер... ко Изборску городку ратью со всѣмъ замышлением, и лѣзоша к городку усердно месяца сентября въ 2 день. И городка Богъ оублюде и святыи Никола. И отъидоше прочь, не оучинивши ничего же, а стояли под городком одну ночь. Да поидоша подо Псков хоупучися со всѣмъ замышлением, и с поушками, того же месяца въ 6 день, а пришли во утре на втором часу ни Завеличье; и псковичи сами зажгоша посад на Завеличье. И почаша погании поушками бити на дом Святыя Троица, и псковичи помолвившися Святеи Троицы и вышли противу их на Завеличье со жолныри, и почаше с ними битися Псковичи и жолныри с пиццальми, и много поушками били на город на Кром, а дѣтинца Богъ оублюде и Святая Троица. А стояли на Завеличьи один день, и пошли з Завеличья на брод к Выбоуту, и псковичи противу их вышли да там много с ними билися на броду. И перебродились Нѣмцы и подошли к Полонищу и много къ стены лѣзли, а псковичи ждали силѣ великого князя; и Нѣмци стояв на Полонищи два дни, а на третей день прочь отошли тѣм же поутем, а псковичь Богъ оублюде и Святая Троица. И князь великий прислал своих воевод, князя Данила Васильевича Щеня и князя Василя Васильевича Шуиского, намѣстников новгородских с силою московскою, а ждаша псковская сила в Пѣсках московских воевод по два дни; и приехаша московские воеводы, а уже Нѣмцы отошли прочь ото Пскова. И выжгоша мость на Черехе и на Многе рѣке, и поидоша Нѣмцы въ брод, куда они погании не бывали, и стал Псков; и ожгоша псковичи около Полонища посадки, и Гримячюю гороу. И погнашася воеводы великих князей и псковичи, и нагнаша их в Озеравах на могильникѣ, и Нѣмцы кошь свои поставиша и молвиша: толке де и Роусь оударитца на кош, и мы де и выидем изо Псковской земли; а толке же де и на нас, ино туто нам головы покласти своя. И псковичи первое оударилшася на кош, и по том москвичи; и начаша межи себя драться о быгте немецком, а Чюдъ кошевую всю присѣкоша. И Нѣмцы в то время сступишася с москвичи и со псковичи, и бысть с Нѣмцы сѣча, а не велика. И князь псковской Иван Горбатой начаша заганивати псковичь, чтобы не ѣхали розно, а они вси по закустовью, и начаша емоу псковичи прозвища давати опрѣмом и кормихном; а се бы не тот господинъ князь Иван велѣл стеноу древяноюу поставити около Полонища и Бродей, ино то все бы дымом взялося и до старои стены»²⁵.

Псковская летопись рисует выразительную картину событий начала сентября 1502 г.

Первый шаг Плеттенберга был неудачен — Изборска взять не удалось.

Второй и главный этап похода развернулся под стенами Пскова. Пройдя тридцать верст от Изборска до Пскова за три дня, ливонцы стали на Завеличье, где уже был сожжен посад, и начали артиллерийский обстрел города, повторяя поход фон дер Борха в августе 1480. Но, в отличие от своего предшественника, Плеттенберг не рассчитывал на флотилию гребных судов и не пытался форсировать Великую прямо против крепости. Псковичи в свою очередь в этот раз не ограничились пассивной обороной, но атаковали противника на Завеличье. Здесь псковичи впервые встретились с пехотой, вооруженной ручным огнестрельным оружием. Непосредственные результаты этого боя нам не известны, но магистр, видимо, убедился в невозможности форсирования Великой и в неэффективности обстрела Пскова. Он пошел на броды с целью обойти псковские войска и выйти на правый берег реки. Псковичи сумели подтянуться к бродам, где произошел второй бой, для псковичей неудачный. Немцам удалось форсировать Великую вброд и выйти вплотную к городским стенам. Фактически немцы пытались штурмовать город («много к стенам лезли»). Штурм был отбит, и, простояв у стен города два дня, немцы отошли через брод опять на левый берег. Второй этап похода магистра закончился его поражением — он вынужден был отойти от Пскова и отказаться от каких-либо попыток продолжить штурм.

²⁴ Там же. С. 231.

²⁵ ПСРЛ. Т. V/I. С. 87–88.

С приходом великокняжеских воевод начинается третий и последний этап похода Плеттенберга. Отступив от Пскова на несколько десятков верст по направлению к границе, он занял позицию, где ожидал русских. По словам псковской летописи, магистр рассчитывал, что русские будут грабить его обоз, подставив себя тем самым под удар ливонских войск. Расчет Плеттенберга частично оправдался. Подошедшие первыми псковские ополченцы бросились грабить кош, за ними, по словам псковского летописца, бросились и москвичи. Боевой строй нарушился. Тут-то немцы и пошли в атаку.

Что произошло дальше на поле боя, чем закончился сам бой, псковского летописца не интересует. В центре его внимания — поведение его земляков на поле сражения. Хорошего о них он сказать может немного. Они ехали «розно», и все по «закустовью». Когда их князь-наместник пытался навести порядок и «засанивати» их, они стали давать ему обидные прозвища, забыв его заслуги перед городом. Именно она, по словам летописца, велел поставить деревянную стену вокруг Полонища, которая спасла город («ино то бы все дымом взялося и до старой стены»).

Типографская летопись приводит самостоятельный рассказ о событиях:

«Придоша Нѣмцы Майстръ и Местеръ съ многимъ вѣишьствомъ в Московскую землю и стояша подъ градомъ подъ Изборскомъ и биша стѣны многими пушками и градъ не разбиша. И отголе поидоша Нѣмци на Великоую реку подъ градъ Псковъ и стояше подъ градомъ и стѣны биша многими пушками и пищальми и граду не доспѣша ничтоже. И князь великий Иванъ Васильевичъ всея Роуси послалъ воеводъ своихъ, князя Данила Васильевича Щеня да князя Василья Васильевича Шуйского и иныхъ многихъ воеводъ своихъ съ множествомъ вѣишьства въ Псковъ противу Немецъ. Нѣмци же оубояшася, отстоупиша отъ града за тридесять поприщъ, въеводы же великого князя обоидоша ихъ отъ града Изборска и срѣтошася с Нѣмци на озерѣ на Смолинѣ, и учинишася имъ бой, мѣсяца сентября 13 день, и бишася, и разидошася обои. И на томъ бою оубиша князя Федора Кропотича, да Григорья, Дмитреева сына Давыдовича, да Юрья, Тимофѣева сына Юрлова, и иныхъ многихъ дѣтей боярскихъ, а Нѣмецъ падоша бесчислено. И отголѣ Нѣмци отъидоша въсвои, а воеводы великого князя разидошася и с своимъ воишьствомъ к собѣ»²⁶.

Рассказ Тип. не противоречит известиям Псковской летописи, но содержит некоторые важные реалии. Выясняется, что под Изборском немцы не просто стояли, но подвергли город сильному артиллерийскому обстрелу, который, однако, не привел к разрушению городских стен («град не разбиша»).

Еще больше, чем Псковская летопись, Тип. подчеркивает значение прихода великокняжеских воевод — именно «убоявшись» их, немцы отошли от Пскова на 30 верст (т. е. в район Изборска). Воеводы же обошли Изборск и вышли на озеро Смолино. Тип. указывает название места боя и точно указывает его дату (что соответствует и подсчету дней в Пск. Летописи). Сам бой изображен без подробностей, но отмечаются большие потери русских войск, называются имена видных военачальников и подчеркиваются огромные потери немцев. Ничейный итог боя — обе стороны разошлись «к себе».

Иное известие о событиях помещает Устюжская летопись. «В лѣто 7011. Нѣмцы приходили ратью на Псков. А князю великому пришла вѣсть наперед, и он послал к Пскову силу. А воевода был у них князь Данило Васильевичъ Щеня; с ним много князей и бояр, и дѣтей боярских. Они же Нѣмцем к городу Пскову не даша приступити, да их встрѣтиша далече города и с Нѣмцами билися. Тогда на бою убили болярина великого князя Ивана Борисовича Бо[ро]здина»²⁷.

Устюжский летописец дает краткое, но выразительное изложение событий. По его версии великий князь заранее знал о приходе немцев и послал воевод. Воеводы не пустили немцев к Пскову, встретили их далеко от города и дали им бой, о результатах которого летописец не говорит, но сообщает о гибели одного из воевод.

²⁶ ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 215.

²⁷ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 102.

Великокняжеская летопись начала XVI в. фиксировала факт, что «Немци приходиша ко Пскову»²⁸. Более поздние летописи Воскресенская и Никоновская говорят об этом событии более подробно. Битва произошла у озера Смолина. Русское войско, подхитившее к Смолину, получило ложное известие о бегстве немцев, люди бросились на немецкий кош и нарушили свой боевой порядок, немцы атаковали их и убили «немногих людей, а сами ся отстояли», потому что у воевод великого князя «полки ся изрушили»²⁹.

Позднейшие московские летописи использовали источники, неизвестные ранним летописцам и в сущности близкие к псковскому рассказу.

Наиболее ценным немецким источником является письмо участника похода некоего ливонского комтура. Плеттенберг выступил 27 августа из Гельмеда с войском в 25 тыс. человек, в том числе 2500 всадников. Не дойдя до Пскова, магистр отделил от войска 2500 всадников, 2500 ландскнехтов и артиллерию, приступил с этими силами к Пскову и в течение 3 дней осаждал его. Были сожжены три псковских предместья. 8 сентября начались переговоры. Ливонцы потребовали, чтобы Псков подчинился магистру, в противном случае город постигнет участь его предместья. Псковичи отвергли это требование.

Двое русских пленных показали, что во Пскове имеется 8 тыс. всадников и много пеших и ожидается прибытие еще 3 тыс. всадников. Узнав об этом, Плеттенберг отошел от Пскова и со своим 5 тысячным отрядом стал ожидать русское войско. 13 сентября произошло сражение. Русское войско насчитывало 18 тыс. человек. Рыцари одержали победу; на поле боя осталось 8 тыс. убитых, но потери Ордена были невелики. После сражения рыцари вернулись в Ливонию. Магистр не распустил свои силы, он ожидал ответного похода русских³⁰. Не противореча в основных чертах рассказу Псковской летописи, письмо комтура имеет две важных особенности.

Во-первых, оно сообщает о переговорах, о которых русский источник молчит. В принципе переговоры могли иметь место, причем с русской стороны они могли иметь целью выиграть время до подхода великокняжеских воевод. Показания русских пленных могли преследовать цель дезинформации противника относительно действительной численности русских войск — сведения, сообщенные пленными, заставили магистра отойти от Пскова, на что, вероятно, и рассчитывали псковичи, те, кто заслал к немцам этих «пленных».

Вторая особенность — наличие в общем довольно правдоподобных данных о численности немецких войск. Преувеличенными кажутся, однако, сведения о 8 тыс. всадников в самом Пскове, о численности русских войск в бою и о числе убитых.

По данным немецкой хроники «Schonne hysthorie» магистр и архиепископ выступили в поход, имея 2 тыс. всадников, не считая крестьян и обоза. Войско подошло к Пскову, ожидая прихода литовцев. Между тем, двое русских пленных сообщили, что ожидается большое войско из русских и татар, посланных великим князем.

Магистр расположил войско на открытом поле. 13 сентября произошло сражение, которое источник называет «самой большой, и трудной, главной битвой господ Ливонии с русскими». У русских было превосходство в силах, рыцари трижды прорывались через ряды русских, ливонцы потеряли обоз, но, в конце концов, обратили русских в бегство. Преследовать их рыцари были не в состоянии. Этот рассказ положен в основу Хроники Рюссова, которая оценивает численность русских в 90 тыс. человек. Сражение у Смолина отражено и в «Записках» Герберштейна.

Эти сведения в общем не противоречат другим источникам, но размеры русского войска в сражении у Смолина преувеличены, надо полагать, в несколько раз.

²⁸ ПСРЛ. Т. 28. С. 336; Т. VI. С. 48, 243; Т. 20. Ч. 1. С. 373.

²⁹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 242; Т. XII. С. 256.

³⁰ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 233; LUB 2. BD II. № 382. S. 277–279.

По рассказу Хроники Рюссова, в сражении участвовало 90 тысяч русских. Они «окружили всех людей магистра». Магистр велел стрелять из орудий, три раза пробился через толщу войск, нанес русским большие потери и обратил их в бегство. Так как немцы были очень утомлены, они не могли преследовать неприятеля. Простояв два дня на поле сражения, они на третий день ушли. Потери их составили 400 кнехтов во главе с их начальником и знаменосцем³¹.

Герберштейн в своих «Записках» рассказывает об ожесточенности сражения. Магистр «с пушечной стрельбой храбро напал на русских». При первой атаке ему удалось рассеять их и обратить в бегство, но преследовать их он не мог из-за малочисленности своих войск и из-за тяжелого своего вооружения. Русские привели себя в порядок и атаковали пехоту Плеттенберга, которая в числе 1500 человек построилась в виде фаланги. Пехота понесла большие потери — были убиты начальник ее, его брат и знаменосец, а всего 400 человек. Остальная часть пехоты отступила в порядке³².

Сопоставление русских и немецких источников позволяет оценить событие у оз. Смолина как бой с неопределенным исходом. Немцы с самого начала боя оказались в тяжелом положении (были окружены), но сумели прорвать кольцо русских. Русские разгромили ливонскую пехоту, но сами были вынуждены отступить. Крупную роль в сражении сыграла ливонская артиллерия. Поле сражения оставалось за немцами, но, понеся большие потери, они были вынуждены вернуться в Ливонию.

Поход Плеттенберга можно сравнить с походом фон дер Борха в августе 1480 г. В этих походах есть ряд общих черт. В обоих случаях ливонцы рассчитывали на то, что главные силы Русской земли отвлечены на другие направления. В обоих случаях ливонцы ставили своей целью овладение Псковом, в обоих случаях пытались штурмовать город. Однако в целом события разворачивались по-разному.

В 1480 г. в разгар тяжелой войны с Ахматом и в условиях феодального мятежа великий князь не имел возможности оказать Пскову реальной помощи. Город был предоставлен своим силам и вынужден был обратиться за помощью к мятежным князьям, которые ему этой помощи, однако, не оказали. Решающую роль в спасении города сыграло мужество псковичей, которые не допустили форсирования Великой и отразили штурм города.

В 1502 г. немцам благодаря превосходству в артиллерии и пехоте с огнестрельным оружием удалось форсировать реку и подойти непосредственно к стенам города. Несмотря на упорную оборону, положение крепости, охваченной дымом пожаров горящих посадов, было критическим. Но русское ВГК сумело своевременно выдвинуть к Пскову крупные силы. Эти силы были наготове и составляли оперативный резерв ВГК. Гонец с известием о нападении магистра мог прискакать от Пскова до Москвы за 5 дней, следовательно, появиться там примерно 8—9 сентября (если он был послан сразу после атаки на Изборск). Столько же дней понадобилось бы для передачи распоряжения о движении на Псков войскам, стоявшим, например, в Новгороде. Двигаясь форсированным маршем, они могли подойти к Пскову через 5—6 дней и появиться у стен города около 20 сентября.

На самом же деле псковичи ждали воевод всего три дня, т. е. они начали свое движение не позднее 5—6 сентября, при первом известии о нападении на Изборск. Отсюда вытекает, что войска эти были заранее сосредоточены в трех — четырех переходах от города в ожидании нападения магистра, а воеводы имели уже на руках соответствующие директивы. Следовательно, известие Уст. о том, что великий князь «наперед знал» о нападении немцев и послал воевод, соответствует реальному ходу событий.

Справедливыми оказываются и сведения немцев от середины июля о концентрации русских войск в районе Новгорода и Луги.

Прибытие великокняжеских воевод сыграло решающую роль. Немцы были вынуждены быстро отступить от города. Если отход фон дер Борха после пятидневных боев проходил вполне спокойно,

³¹ Там же. С. 232—233.

³² Герберштейн С. Записки о Московии. С. 198.

то на этот раз русские войска шли за ливонцами по пятам и дали сражение, заставившее магистра вернуться в Ливонию.

Основное отличие событий 1502 г. от событий 1480 г. — возросшая роль стратегического руководства русскими войсками, что было возможно только в условиях сильного централизованного государства. Это и сыграло решающую роль в поражении магистра Плеттенберга.

Поход Плеттенберга — последний акт войны на северо-западном направлении. Военные действия больше не возобновлялись, вскоре начались переговоры о перемирии, которое и было заключено весной 1503 г.³³

К каким же результатам привел последний поход магистра Вальтера фон Плеттенберга? Если целью магистра было добиться перелома в ходе военных действий, то эта цель отнюдь не была достигнута. Попытка овладения Псковом окончилась полной неудачей. Сражение у оз. Смолина закончилось фактически вничью.

В стратегическом отношении августо-сентябрьские события на псковском направлении были для России благоприятны. Русское командование сумело быстро сосредоточить крупные силы под Псковом и сорвать план овладения этой крепостью. Плеттенберг начал свой поход, по-видимому, в расчете на соединение с литовскими войсками. Но наступление русских войск на западном направлении сделало это соединение невозможным. После боя у Смолина немцы, понеся большие потери и опасаясь нового вторжения русских войск, вынуждены были вернуться в свою землю, признав тем самым свое поражение.

При всей важности событий на северо-западном направлении основное внимание русского ВГК, как и прежде, привлекал литовский фронт.

«Декабря в 3 [7010 = 1501 г.] день велел князь великий из Новагорода наместникам своим князю Данилу Васильевичу да князю Василью Васильевичу Шуйскому и иным воеводам итить воевать в Литовскую землю. А наказ им послал с Третьяком Долматовым как им быть по полком.

В Большом полку князь Данило Васильевич да князь Василей Васильевич Шуйский.

В Передовом полку князь Петр Лобан Ряполовский.

В Правой — Петр Житов.

В Лево́й — князь Федор Прозоровский.

В Сторожевом полку Михайло Ондриевич Колычов да князь Семен Рамодановский»³⁴.

Никаких дальнейших сведений об этом зимнем походе нет.

Следующая запись в разрядной книге говорит об отправке «воевати Литовскую землю воевод изо Ржевы».

«В Большом полку князь Михайло княж Иванов сын Васильевича да князь Ондрей Голенин.

В Передовом — князь Иван князь Федоров сын Ушатых.

Во Правой руке — князь Василей Ших Оболенской.

В Лево́й руке — князь Михайло... сын Засекин.

В Сторожевом полку — князь Федор Палецкой да Семен Жюлебин».

В марте 1502 г. великий князь в грамоте к Менгли писал: «наш недруг литовской, снявся с Немци, станет против нас, и мы осенесь и на сей зиме посылали воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Немецкую воевати; и нашим воеводам в Литовской земле и в Немецкой земле многие бои были, и милосердьем Божьим наши воеводы везде побивали и землю Литовскую, и землю Немецкую воевали и много городов поимали. А и ныне наши люди из Литовские земли и из Немецкие не выходя воюют. А уповая на Бога хотим воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Немецкую послать часа того, да и детей своих хотим ож дай Бог отпустить, и сами ож дай Бог с всеми своими замлями хотим с своими и с твоими недруги свои дела делати, сколько нам Бог пособит»³⁵.

³³ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 234–242.

³⁴ Разрядная книга 1475–1498 гг. М., 1966. С. 34.

³⁵ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. № 383.

В борьбе на литовском фронте важное значение должны были иметь активные действия союзника — Менгли-Гирея. В кампании 1501 г. он активного участия не принимал, занятый борьбой со своим главным противником — ханом Большой Орды Ших-Ахметом. Борьба эта закончилась весной 1502 г. победой крымского хана, о чем он сообщал в грамоте от 6 июля 1502 г. Разгром Ших-Ахмета серьезно изменил общую стратегическую ситуацию. Король Александр лишился своего союзника, великий князь, напротив, мог теперь с большим основанием надеяться на помощь со стороны Менгли в операциях на западном направлении.

14 июля началось крупное наступление русских войск на Смоленск.

По разрядам 1502 г. «Того же лета 7010-го князь великий Иван Васильевич всеа Руси послал на Смоленск ратью сына своего князя Дмитрея а с ним воевод своих. А под Смоленском велел им быть по полком.

В Большом полку князь Дмитрий, сын великого князя Ивана Васильевича, а с ним великого князя воеводы князь Василей Данилович Холмский да Яков Захарыч.

В Передовом полку князь Семен Иванович Стародубской да князь Василей Иванович Шемячич, а с ними великого князя воеводы князь Василий Мних да князь Иван Михайлович Репня.

В Правой руке — князь Федор Борисович Волоцкой, а с ним великого князя воеводы князь Федор Иванович Бельской да Дмитрий Васильевич Шеин.

Влевой руке князь Федор Иванович Рязанской, а с ним великого князя воеводы князь Александр Володимирович Ростовской да князь Михайло Федорович Карамыш.

В Сторожевом полку князь Иван Борисович, а с ним великого князя воеводы князь Михайло Федорович Телятевской да князь Федор Васильевич Телепень да князь Константин Ярославов»³⁶.

Судя по разрядным записям, с декабря 1501 г. по август 1502 г. на Литву одна за другой были отправлены три рати во главе с двадцатью шестью воеводами, с участием сына великого князя, двух Волоцких и одного рязанского князя и двух князей, недавно перешедших на русскую службу³⁷.

Рать из Новгородской земли заходила в тыл Смоленского плацдарма. Эту рать ведут восемь воевод во главе с князем Щеней, победителем на Ведроше. Наличие в составе воевод обоих наместников новгородских может свидетельствовать о том, что в поход были отправлены основные силы новгородского служилого ополчения. Все воеводы этой рати не раз упоминаются в разрядах, следовательно, имеют значительный боевой опыт.

Другая рать формально возглавляется сыном великого князя, при котором состоит опытный воевода Яков Захарыч. Всего в этой рати одиннадцать воевод, а также Волоцкие, рязанские, северские князья, что может свидетельствовать и о численности, и о политическом значении этой части войска. Можно думать, что основную роль должны были играть фланговые группировки во главе с князем Щеней и князем Дмитрием.

Ржевская рать должна была обеспечивать связь между ними, прикрывая их внутренние фланги. Против Смоленска разворачивались главные силы русских войск, стремясь осуществить масштабную стратегическую операцию по овладению Смоленском.

В этих условиях весьма важным было бы одновременное выступление крымской конницы. Великий князь рекомендовал Менгли маршрут движения: Киев, Слуцк, Туров, Полоцк, Минск. Этот план являлся почти точным повторением неосуществленного плана 1500 г.³⁸

8 августа Менгли получил грамоту Ивана III о начале похода князя Дмитрия на Смоленск. Но еще за три дня до этого Менгли отправил в поход большое войско (90 тыс.) во главе со своими

³⁶ Разрядная книга 1475–1498 гг. С. 34.

³⁷ Отметим хронологическую ошибку К. В. Базилевича, который относит эти походы к 1500–1503 г. См.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 499.

³⁸ Там же. С. 491; Сб. РИО. Т. 41. С. 423–424.

сыновьями в направлении Луцк — Вильно — Троки. Инструкция царевичам предусматривала согласование действий с князем Дмитрием³⁹. Фактически же глубокий рейд крымской конницы исключал реальную возможность совместных действий с русскими войсками под Смоленском.

Набег крымских царевичей продолжался до начала ноября. Они «повоевали» окрестности Луцка, Львова, Люблина, Турова, Киева.

Таким образом, главный удар наносился не в северо-западном, а в западном направлении, не севернее линии Люблин — Туров, без какой-либо попытки связываться с русскими войсками под Смоленском. Русский посол в Крыму Алексей Заболотский доносил: «Царевичи не пошли по тем местам, на которые, государь, ты велел им идти... а те места кажут лесны и тесны»⁴⁰. Царевичи шли по хорошо знакомым, излюбленным местам, по линии наименьшего сопротивления, заботясь о своей добыче, а не об интересах своего союзника⁴¹.

Организовать стратегическое и оперативное взаимодействие русских и крымских сил не удалось и на этот раз.

Судьба кампании 1502 г. решалась под стенами Смоленска. Что же там происходило?

Официальная великокняжеская летопись ограничивается кратким сообщением: «прииде на Москву Октября 23, в недѣлю, великого князи сын, князь Дмитрий Иванович, землю Литовскую повоевав и поплѣнив, града Смоленска не взял, понеже крѣпок бѣ»⁴².

Из русских источников наиболее полные сведения приводит Типографская летопись: «іюля въ 2, послалъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси сына своего князя Дмитрея Ивановича да воеводъ своихъ, князя Василія Даниловича Холмскаго да Якова Захарыча, и иныхъ воеводъ своихъ и многое множество воинства, да и посошныя с ними были, къ граду Литовскому Смоленску. Стояша же подъ градомъ до Воздвиженія Честнаго Креста, и граду учинише зла много, и людей подъ градомъ побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша, и полону выведоша множество бесчислено и поидоша прочь, града не взяша. Придоша же на Москву и пожаловася отцу своему: многыя дѣти боярскіе подступали подъ градъ и въ волости отъежцаа грабили безъ его вѣдома, а его не послушаша. За то князь великій въсполься на тѣхъ дѣтей боярскихъ, и многыхъ велѣлъ поимати, да велѣлъ и казнити, по торгоу вода, велѣлъ кнутъемъ бити, и многыхъ велѣлъ в тюрму пометати»⁴³.

Важные сведения о борьбе за Смоленск сообщает Хроника Быховца.

«Князь... великий Александр... двинулся к Минску, а в Минске пришла к нему весть, что князь великий Московский отправил сына своего князя Дмитрия Жилку с большим войском с пушками и со всем снаряжением добывать земли и отпустил его к Смоленску, и что теперь все москвичи под Смоленском и, обложив город, упорно осаждают его. Услышав это, великий князь Александр послал против него пана Трокского старосту жемайтійского, пана Станислава Яновского со всею силою великого княжества Литовского и... со всеми чужеземцы (наемниками. — Ю. А.)... Москвичи же, находясь под Смоленском, воевали на все стороны и город Смоленск едва ли не весь пушками окружили, день и ночь непрестанно его осаждали, и из-за больших тур, наполненных песком и землей, несказанные штурмы против него предпринимали. Однако же, милосердьем Божьим и помощью Пречистые Богородицы не могли принести ему никакого вреда. Приняв на себя немало трудов, неся потери и губя своих людей со скорбью, и со слезами терпели с великими насмешками поражение под городом, и с помощью и с бесчестьем от города отбиваемы были. Войско же великого князя Александра, которое вел пан староста жемайтійский, пришло со всеми силами к городу Орше, и, перейдя реку Днепр, двинулось к горам. И

³⁹ Сб. РИО. Т. 41. С. 430–432.

⁴⁰ Там же. С. 469.

⁴¹ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 492.

⁴² ПСРЛ. Т. 28. С. 336; Т. VIII. С. 243; Т. 26. С. 296.

⁴³ ПСРЛ. Т. 24. С. 214–215.

как только об этом услышал князь Дмитрий Жилка, который находился под Смоленском, что Литва идет против него, он не взяв города Смоленска, возвратился к Москве, к своему отцу великому князю Московскому»⁴⁴.

Поход на Смоленск, широко задуманный, окончился неудачей — в этом единодушны все источники. В чем причина поражения русских войск? Одна из них указана в Тип. — это отсутствие должного порядка в служилом ополчении. Дети боярские проявили недисциплинированность, которую воевода не сумел своевременно пресечь. Вторая причина — отсутствие реальной помощи со стороны союзника, что могло позволить королю сосредоточить под Смоленском главные силы.

Неумение бороться с сильными крепостями, что уже проявилось при неудачной осаде Выборга в 1495 г. К. В. Базилевич не без основания считает одной из причин неудачи недостаток тяжелой осадной артиллерии, способной разрушить мощные укрепления Смоленска⁴⁵.

Во всяком случае, неудача под Смоленском была завершающим актом большой тяжелой войны. Начались мирные переговоры, и в апреле 1503 г. было заключено шестилетнее перемирие на выгодных для России условиях — за ней остались все земли, возвращенные из-под власти Литвы. В течение всей кампании инициатива находилась в руках русских войск, и они наносили противнику удары, разоряя его территорию и ослабляя его силы. Это было, вероятно, главной причиной того, что противнику не удалось добиться реального взаимодействия литовских и ливонских войск.

* * *

Характерная черта кампании 1502 г., как и предыдущей, — борьба с двумя сильными противниками на двух самостоятельных операционных направлениях. В этих условиях первой задачей русского ВГК было определение направления главного удара и создание соответствующей группировки своих сил.

Если на западном направлении русское верховное командование ставило перед войсками активные задачи стратегического масштаба, то на северо-западном направлении русские войска придерживались стратегии активной обороны. Единственной крупной операцией была оборона Пскова от сентябрьского наступления войск магистра.

Активно-оборонительная стратегия на северо-западном направлении в данных условиях оправдала себя. Главные силы русских войск не отвлекались с основного операционного направления на Смоленск, а противнику не удалось добиться каких-либо успехов.

Как и в предыдущих кампаниях, русское ВГК пыталось наладить стратегическое взаимодействие с союзником — крымским ханом. Но, как и в прошлые кампании, эти попытки успехом не увенчались, несмотря на благоприятную для Менгли обстановку (победу над Ших-Ахметом). Огромный по размеру и разрушительности рейд крымских царевичей в августе — ноябре преследовал только цели обогащения крымских татар, и реальной помощи русским войскам не принес. Причина этого — несходство коренных политических интересов обоих союзников.

Важной чертой кампании 1502 г. — впервые отмечаемой в источниках — были боевые действия русских судов (ладей и лодок) в Финском заливе. Эта деятельность, может быть, связана с призывом северных мореходов — устюжан, двинян и прочих — для обороны Ивангорода. Во всяком случае, по немецким источникам русские суда используются для решения конкретных боевых задач, в частности — блокады Нарвы. Можно думать, что русское ВГК сделало выводы из боевого опыта Свейской войны — в борьбе на фронте появилась морская составляющая.

В стратегическом отношении кампания 1502 г. показала эффективность работы русского ВГК. Не добившись блестящих успехов, оно сумело, тем не менее, в сложных условиях достигнуть общего

⁴⁴ Хроника Быховца. С. 114–115.

⁴⁵ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 495.

благоприятного исхода кампании. Оно правильно определило направление своего главного удара. Сохраняя крупные резервы, оно в нужном случае создало сильную группировку на ливонском фронте. Несмотря на неудачу под Смоленском, кампания 1502 г. была успешным завершающим этапом большой трехлетней войны, закончившейся победой России.

Последние десятилетия XV в. ознаменовались крупными изменениями в вооружении, тактике и организации европейских армий. Широкое развитие бронзовой артиллерии резко повысило ее значение как при осаде крепостей, так и в полевом бою. Не меньшее значение имело появление пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, — она становится основным элементом боевого порядка, взаимодействуя с копейщиками и конницей.

Борьба с орденскими войсками с их более мощным огнестрельным оружием, артиллерией и пехотой была для наших войск трудна. Победа достигалась большой кровью русского служилого ополчения. Не всегда оно было на должной высоте с точки зрения дисциплины и организованности; старая псковская система земского ополчения показала свою неэффективность.

Объективно все должно было побудить руководство страны продолжить и расширить военную реформу и улучшить организацию служилой конницы, а прежде всего, обратить внимание на развитие артиллерии — полевой и осадной, и создать пехоту, вооруженную огнестрельным оружием. Но эти реформы выходят уже за рамки рассматриваемого периода и охватывают следующие десятилетия XVI в. вплоть до создания стрелецкого войска.